

Сергей Майоров

Она назначает жертву

*Переиграй убийцу!
Финал детектива
выбираем сами*

«Подозревай всех,
кроме экипажа МКС».

;))

«Сейчас я вас введу
в курс дела.
Мы ничего не знаем.
Теперь вы в курсе дела».

«Между пулей и головой многое
может произойти...»

«Крашенные волосы,
канадский паспорт...
а был ли мальчик?!»

??!..

+ 3 альтернативные концовки!

Переиграй убийцу! Финал детектива выбираем сами

Сергей Майоров

Она назначает жертву

«ЭКСМО»

2014

Майоров С.

Она назначает жертву / С. Майоров — «Эксмо»,
2014 — (Переиграй убийцу! Финал детектива выбираем сами)

В подмосковном городке, прямо в здании прокуратуры, убиты три прокурора. Расследование поручено следователю по особо важным делам Ивану Лисину. Изучив документы, с которыми работали прокуроры незадолго до своей смерти, Лисин приходит к выводу: стражи закона разбирались с одной темной историей, связанной с убийством учительницы Лидии Чеховской. Причем убитые прокуроры помогли преступнику уйти от ответственности. Значит, тройное убийство – это месть? Подозрение сразу падает на брата убитой учительницы, но ни следователь, ни его помощники еще не знают, что они идут по ложному пути... Три альтернативные концовки детектива не позволяют читателю ни на секунду расслабиться и вынуждают подвергать сомнению буквально всё...

© Майоров С., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	5
Звук выстрела отразился от стен,	8
– Ты уж прости,	10
Убийца оскалился,	12
Глава 2	13
– Это я запросто!.	15
Обойдемся без сентенций	18
– Два месяца до пенсии,	23
– Я не испытываю к вам неприязни	26
Глава 3	28
– Здесь произошло убийство,	30
С убийцы и начнем	34
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Майоров

Она назначает жертву

Глава 1

Серое трехэтажное здание с белыми колоннами, уходящими под крышу, крыльцо в восемь или девять ступеней, высокие тяжелые двери с бронзовыми ручками. У креплений они темнее и толще, к середине сужаются и горят, как и таблички, укрепленные по обеим сторонам дверей. Браться за ручку у верхнего крепления неудобно, придется задрать руку как для переноски флага на длинном древке. Снизу тоже не возьмешь – потребуется подсесть. Поэтому за двести с лишним лет существования этого здания, стоящего на пересечении двух центральных городских улиц, дверную ручку всегда хватали там, где делать это удобно, – посередине. В результате она стерлась и стала тоньше. Так случается с ногами Будды, к которым прикасаются верующие. Каждый день люди берутся за ручку несколько тысяч раз, поэтому она блестит так, словно ее натирают асидолом.

Двести лет назад за нее брались персоны с весьма успешным настоящим и перспективным будущим, дом был не серого цвета, а голубого, и на окнах не имелось решеток. Здесь сидели важные личности, управлявшие торговыми гильдиями, и каждое прикосновение к литой ручке было похоже на рукопожатие купца, честное и крепкое. Ему можно было верить, потому что слово такого человека – закон. Простому люду делать здесь было нечего, а вот двое полицейских на всякий случай сидели внутри и тогда.

Теперь здесь располагалась прокуратура. На первом этаже все было устроено так же, как и в других городских организациях подобного толка. Два сотрудника полиции, каждый за своим столом, перекрывали вход. Между двумя этими блокпостами стеклянное окошечко наподобие тех, что есть в любой гостинице. Только там выдавали не ключи с деревянными грушами, а пропуска на второй и третий этажи. Тот, кто таковой получал, направлялся по коридору, предварительно убедив второго полицейского в соответствии фамилии на пропуске с той, что указана в паспорте.

Слева и справа по коридору двери. С краю был расположен отдел приема жалоб граждан. Там внутри красиво. Белые стеновые панели, подвесной потолок того же цвета, синий линолеум на полу и аквариум ведер на сорок. В нем жили, постоянно пытались разыскать протоку, ведущую к Карибскому морю, три скалярии, четыре барбуса и харациновые рыбы. Последних никто не считал, они плодились, когда захотят, преимущественно случайно, как люди, и так же неподотчетно издыхали.

Следующие двери были закрыты, но на правой стороне царил хаос. Из одного кабинета выбежал какой-то сотрудник с листами в руках и тотчас заскочил в другую дверь. Потом из соседней комнаты вышла женщина с папками, повернула в замке ключ, удерживая ношу бедром и локтем, и двинулась по коридору. Служащие мелькали, работа кипела. Всем посетителям с пропусками было понятно, что сюда лучше не соваться, чтобы не помешать.

На третьем этаже царил пустота. Люди здесь присутствовали только в кабинетах. Оно и верно. Надзор за соблюдением федерального законодательства – дело не пятиминутное. Ходить сюда посетителям каждый день не имело никакого смысла.

Тут же находился кабинет прокурора города. В приемной сидели двое: мужчина в китайской куртке с папкой в одной руке и холщовой сумкой в другой, а также женщина с бирюзовыми серьгами. Они пришли на прием к тому человеку, который был главным в здании с белыми колоннами.

В половине десятого утра в прокуратуре города Старооскольска царили среднестатистические покой и суэта. Без четверти десять в высокие двери вошел мужчина лет сорока пяти на вид, быть может, чуть старше, во всем черном: норковой шапке, джинсах и свитере с высоким воротником и пуховике. От всех, кто находился на первом этаже, он отличался абсолютно спокойным взглядом и уверенными движениями. В глазах его, когда он предъявлял паспорт и просил выписать ему пропуск, не было ни тени сомнения в том, что ему нужно именно в городскую прокуратуру Старооскольска, а не, скажем, в горсовет, который находился напротив.

– Вы к кому?

– К Кириллову, – сказал мужчина четко и даже как-то дерзко. – Он сказал, что я должен прийти на повторный допрос. Я сколько еще сюда ходить буду? – Он навис над вахтой, расплавляя взглядом служащую, занятую выпиской пропусков. – Я кто – свидетель или подозреваемый? Надо допросить – делай сразу. У меня своих дел нет, что ли?

По последним словам женщина убедилась в том, что заполнять бланк нужно. Если бы мужчина сказал: «Я к Кириллову, поговорить хочу», она тотчас позвонила бы и убедилась в том, что помянутый сотрудник прокуратуры в это солнечное утро склонен к каким-либо беседам.

Получив пропуск, мужчина направился в сторону коридора, протянул для обозрения второму полицейскому паспорт и бланк. Тот очень хорошо слышал разговор у окошечка, а потому сделал вывод о том, что мужчина здесь гость частый и прокуратура его прибытию всегда рада. Он даже не удостоил документы взглядом. День только начался. Если ретиво исполнять служебные обязанности в минуты, когда это не требуется, то на трудовую деятельность в часы пик может запросто не хватить сил. Тем более что у посетителя не было сумки, а в последнее время это едва ли не единственный предлог вмешаться в ход событий.

Мужчина медленно прошел весь коридор, ступил на лестницу, оперся на поручень, отдышался и стал подниматься. Второй этаж его не интересовал. Он прошел мимо входа на него, даже не взглянув. Когда лестница закончилась, он вошел в коридор. Тут на лицо мужчины, доселе спокойное и почти равнодушное, заползли два маленьких красных пятнышка, по одному на каждую скулу.

Он точно знал, какая дверь его интересовала в первую очередь. Вот эта, с цифрами «34» на блестящем никелированном ромбике, прикрученном шурупами чуть выше уровня глаз.

«Прокурор отдела по надзору за исполнением ФЗ Юрист 2 класса Журов К. Л.», – гласила надпись на табличке под стеклом.

Мужчина расстегнул пуховик, хрястнул блестящей ручкой, повернув ее до отказа вниз, и надавил на дверь. В лицо ему ударил солнечный свет из окна, он зажмурился, вошел, сделал два шага вперед, повернулся направо и увидел того, кого и хотел. За письменным столом, заваленным папками, сидел молодой человек в синем мундире с новенькими погонами, на которых сияли по четыре звездочки.

– Ты уже юрист первого класса? – изумился вошедший мужчина. – Поздравляю от всей души! Дай-ка я догадаюсь, за что такая благосклонность начальства...

– Что вам нужно? – прокричал прокурор Журов, расстроенный тем, что первым его поздравил с присвоением очередного чина не тот человек, от которого он хотел бы услышать такие слова, причем в столь грубой форме. – Вы почему без стука входите?

– Сейчас постучу, – сказал мужчина, вынимая из-за пояса «ТТ» с уже взведенным курком.

Он рассматривал в упор гладко выбритое лицо прокурора, и пятнышки на его скулах удвоились в размерах.

– Думаю, что и для тебя теперь все предельно ясно.

Юрист первого класса вскочил из-за стола, с грохотом уронил на пол стопку дел и навалился спиной на стеклянный шкаф. Дверка не выдержала давления восьмидесятикилограм-

мового тела, хрястнула и почти без звука развалилась на пять или шесть кусков, похожих на турецкие ятаганы.

Юрист первого класса хотел закричать, но все происходило настолько стремительно, что он даже не успел напрячь голосовые связки.

Звук выстрела отразился от стен,

Звук выстрела отразился от стен, гильза ударилась в угол, отскочила от него и запрыгала по полированному дереву. Она немного успокоилась, уверенно покатила по столу, умело лавируя между преград, расставленных на ее пути: канцелярского набора и пепельницы, достигла края, перевернулась и упала на пол.

За те десятые доли секунды, пока это происходило, юрист первого класса Журов успел только открыть в совершенном изумлении рот и начал оседать. Материя его мундира на левой стороне груди, прошитая насквозь пулей калибра 7,62 миллиметра, стала стремительно пропитываться чем-то темным. Пятно расплзлось неровно. Так промокает полая тряпка, пересушенная на батарее, а потом брошенная на пол, залитый водой.

Мужчина продолжал смотреть на агонию. Исчезновение пятен с его лица свидетельствовало о том, что он не испытывал ни удовлетворения, ни отвращения. Так трудится над вычислением среднего заработка служащих главный бухгалтер какого-нибудь закрытого акционерного общества.

Прокурор отдела по надзору за соблюдением федерального законодательства Журов уселся на пол. Глаза его еще продолжали отражать жизнь, но взгляд был направлен уже не на убийцу, а куда-то в сторону огромного засыпного сейфа, стоявшего у стены напротив стола.

Через мгновение его левое веко дернулось, как от нервного тика. Словно кто-то выключил рубильник внутри прокурора. Рука Журова дрогнула, свет в глазах погас. Голова, уже не удерживаемая шеей, свалилась набок.

Мужчина оценил результат своего труда, тряхнул головой, сунул руку с пистолетом за пазуху и вышел в коридор. Кажется, звук выстрела никого не обеспокоил. Где-то продолжал работать принтер, распечатывая очередное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. В приемной секретарь прокурора объясняла что-то людям, ожидавшим его.

Мужчина пропустил взглядом табличку с номером 36 и направился к той, на которой горели цифры, указывающие на его возраст, – 38.

«Прокурор отдела по надзору за исполнением ФЗ Юрист 3 класса Хотынцев П. С.».

Ручки в кабинетах были одинаковые. Хрустели они так же, как их сводные сестры, – с металлическим клацаньем, сочно, словно отказывали посетителю в просьбе в тот момент, когда он еще не переступил порога.

– Это что за явление?

Раздражение встречало мужчину в каждом кабинете. Ему становилось ясно, что люди, работающие в этом здании, не любят, когда их тревожат, не предупредив заранее.

За столом сидел молодой человек, лицо которого расплывалось от удовольствия, вызванного какими-то причинами, ведомыми лишь ему. Только это, наверное, мешало господину Хотынцеву встать и выбросить наглого посетителя за дверь. Что же касается удовольствия, то оно здесь присутствовало и пахло духами «Опиум».

Напротив Хотынцева сидела сотрудница прокуратуры по фамилии Голощекина. Ее собственный кабинет был следующим по коридору. Она устроилась напротив Хотынцева и не успела убрать с лица улыбку точно так же, как и хозяин данного помещения.

Визитер уже привычно впился взглядом в погоны Хотынцева и убедился в том, что руководство не обошло своим вниманием и его. Третья сияющая звездочка на синем, отливающим новизной погоне свидетельствовала о том, что на табличке, укрепленной на двери кабинета, цифру 3 пора менять на меньшую.

– Вы в магазине, что ли? – рявкнул, краснея щеками, новоиспеченный юрист второго класса. – Кто такой?

Если бы не истерический, оглушающий все и вся визг Голощекиной, то, быть может, мужчина спокойно доделал бы свои дела в прокуратуре города Старооскольска и вышел бы оттуда так же беспрепятственно, как и вошел. Но этот крик разрезал тишину всего третьего этажа, прошелся по второму, спустился на первый и заставил обоих полицейских на входе похолодеть душой и поднять головы к потолку. Когда в легких закончился воздух, Голощекина набрала его и снова завопила.

При появлении «ТТ» прокурор Хотынцев так же, как и Журов, успел лишь вскочить на ноги и отпрянуть. Удар пули в грудь добавил ему ускорения, и он локтем снес с подоконника подрастающую драцену. Пальма перевернулась кроной вниз, сломалась, и из-под стола веером рассыпалась сухая земля.

Женщина кричала и дергала перед собой руками так, словно ее завели ключиком. «ТТ» дернулся в руке мужчины еще раз, и крик прервался на самой высокой ноте. В кабинете при закрытых окнах кисло пахло сгоревшим порохом и сладко – «Опиумом». Перемешавшись, запахи дали стойкий аромат неприятностей, которые неминуемо должны были закончиться трагедией.

Она состоялась.

Хотынцев попытался подняться на ноги, схватился рукой за стол, но вторая пуля вошла ему в голову над левой бровью. Результат такого попадания был просто жутким.

Куски чего-то белого вперемешку с бордовым врезались в оконное стекло. По пластиковым рамам стала медленно стекать студенистая масса. Вид ее был ужасен, отвратителен, но мужчина ничем не выдал своего волнения, даже не попятился назад.

Наполовину обезглавленный Хотынцев, уже мертвый и не такой грозный, тотчас свалился под стол. Оттуда не доносилось ни звука. Нога, обутая в ботинок с надписью «Salamander» на подошве – мужчина ясно прочитал это слово, – перестала сучить и размазывать по полу черную кровь.

Убийца перевел взгляд на женщину. Кричать она уже не могла. Пуля вошла ей в живот, и теперь из ее груди вырывался лишь стон боли и страха. После выстрела Голощекина так же, как и ее коллега, терла пол подошвами высоких сапог. Юбка, и без того короткая, заползла к поясу, и теперь стрелку было хорошо видно ажурное белье. Женщина не могла совладать с болевым шоком и сползла со стула. Ее юбка окончательно потеряла свое предназначение. Теперь казалось, что на ней нет ничего, кроме этой белой блузки, окровавленной посередине, чулок на резинках и белых, соблазнительных трусиков, которые на глазах становились бурыми. Из-под ног женщины расплзалась прозрачная пузырящаяся лужа.

– Ты уж прости,

– Ты уж прости, – сухими губами проскрипел мужчина, надеясь, что сотрудница прокуратуры его слышит.

Он поднял пистолет и заглянул в распахнувшийся женский рот. Из него вылетел безмолвный крик, молящий о пощаде, или же проклятье. Убийце, впрочем, это было безразлично.

Он нажал на спуск, стараясь попасть в сердце. Наблюдать второй раз за тем, как с треском разлетается черепная коробка, ему не хотелось. Одно дело, когда в гробу лежит мужчина, и другое – женщина. Смерть не должна изувечить ее.

Тело под ним дернулось, и голова рухнула на пол. Ноги же, затянутые в черные чулки, продолжали трястись, словно в сердце вошла не пуля, а заточенный провод высокого напряжения.

Наверное, это была не месть и не ярость, когда он стрелял в нее в третий раз. Так вот выглядела самая ужасная помощь одного человека другому, когда первый старается уберечь второго от мучений.

Стройные точеные ноги, залитые кровью, дрожали так, словно в тело жертвы кто-то вогнал еще один провод. Стараясь не смотреть на это, мужчина вывалился из кабинета, пахнущего смертью, в коридор. Он уже не пытался скрыть, что в руке его находится пистолет.

Убийца хотел закончить обход кабинетом городского прокурора, но теперь уже точно знал, что оттуда нужно было начинать. Тогда это оказалось невозможно по причине того, что там находились посетители. В этих совершенно невинных людей пришлось бы стрелять. Поступать так мужчина не хотел. Он убивал из чувства долга и сейчас давал себе полный отчет в том, что главная мишень в этом здании останется непораженной. Стрелок увидел в конце коридора две тени в серой форме и осознал, что работа осталась незавершенной.

Треск выстрелов застал его врасплох. Полицейские открыли огонь с расстояния тридцати метров, быстрее, чем он успел поднять руку.

– Оружие на пол! Положи оружие на пол! – доносилось до него как во сне.

Прильнув к стене, чтобы исключить рикошет от нее, мужчина быстро оценил ситуацию и направился в тупик. Коридор на третьем этаже заканчивался окном.

– Бросай оружие, тварь! – Один полицейский уже почти подошел на то расстояние, из которого «макаров» в состоянии прицельно поразить цель.

Выстрелы между тем сыпались как горох со стола. В лицо мужчине уже дважды ударила сухая смесь, состоящая из кирпичной пыли и двухвековой штукатурки. Трижды он слышал свист пуль.

Из кабинета, расположенного со стороны полицейских, выглянул человек. На его голове торпорщились короткие волосы странного алюминиевого цвета.

Сердце убийцы встрепенулось. Он тут же вскинул «ТТ».

Пистолет дернулся в руке. Мужчине хорошо было видно, как пуля, выпущенная из него, разнесла в щепки дверной косяк в нескольких сантиметрах от цели.

– Черт!.. – выпалил стрелок вполголоса.

Это было все, что он был в состоянии сейчас сказать в адрес прокурора города, скрывшегося за дверью.

Пуля разорвала рукав пуховика убийцы. На паркет коридора третьего этажа медленно опускались невесомые перья.

Лихорадочно оглядываясь, догадываясь, что преследователи никак не могут понять таких вот его действий, мужчина с пистолетом в руке побежал в сторону окна. До него оставалось не более десяти метров, когда впереди вдруг распахнулась дверь. В пяти шагах перед

убийцей возник совершенно незнакомый ему молодой человек в форменном прокурорском мундире.

Стрелок видел его глаза, полные изумления и оторопи, правый погон с тремя звездочками, выступающий из-за двери. Он вскинул руку.

Грохнул выстрел, «ТТ» привычно ударил в ладонь. Незнакомец из ненавистной прокуратуры с размаху ударился о косяк и стал заваливаться на спину. Пуля срезала половину погона, обожгла ему плечо и впилась в стену, расщепив пополам белую облицовочную рейку двери.

– Черт!.. – вторил ему с пола сотрудник прокуратуры.

Он схватился за плечо, и его рука мгновенно окрасилась кровью. Молодой человек морщился от боли не только в ушибленном затылке и не сводил глаз с мужчины, выбивающего ногой оконную раму в пяти метрах от него.

– Что за хрень здесь происходит?! – выкрикнул он и тут же пожалел о том, что обратил на себя внимание.

Убийца оскалился,

Убийца оскалился, оторвался от увлекательного дела и выбросил руку в его сторону. Парень, на плече которого торчал оторванный погон юриста второго класса, лежал на полу и пытался унять кровь, сочившуюся из-под пальцев. Прямо перед собой он увидел черный дымящийся зрачок пистолета и не успел даже зажмуриться.

Мужчина, так невзлюбивший окно в коридоре прокуратуры, пробормотал:

– Зря полтинник на такси тратил.

Молодой человек услышал щелчок, но не выстрел, перевел взгляд с лица незнакомца на его оружие, понял причину своего неожиданного спасения и шумно выдохнул. Палец убийцы нажимал на спуск еще и еще, но юрист второго класса точно знал, что выстрела не будет уже никогда. Если его сейчас и убьют, то только не из этого «ТТ», совершенно разряженного.

Пуля, расщепившая косяк двери его кабинета, была восьмой и последней в этом магазине. Ему тут же пришлось увернуться, закрывая голову руками. Чумовой на вид мужик размахнулся так же широко, как при колке дров, и бросил в него свое оружие.

Убийца понимал, что полицейские не будут вести огонь из непредсказуемых «макаровых», пока в секторе обстрела находится живой сотрудник прокуратуры. Уже вставая на подоконник, он поблагодарил себя за то, что сразу по выходе из кабинета Хотынцева побежал не к лестнице, а сюда, к этому окну.

Почти в десяти метрах под ним расстиралось снежное одеяло. Отражая солнечный свет и ударяя по глазам миллиардами искр, оно не позволяло догадываться о своей толщине.

Другого варианта у мужчины не было. Входя в прокуратуру, он вообще не надеялся выбраться оттуда. Но желание свободы, внезапно появившееся из ниоткуда, заставило его опереться руками о холодную шершавую стену, оттолкнуться и выбросить себя из этого здания, пропитанного кровью и смертью.

Сугроб, к счастью, оказался глубоким. Убийца просил себя только об одном – быстро выбраться из снега и побежать за угол. Теперь в секторе обстрела у полицейских, уже расположившихся в створе окна, не было ни одной живой посторонней цели, мешавшей им вести огонь на поражение. В том, что его сейчас будут старательно убивать, мужчина почему-то не сомневался.

Солнце, как и в минувшие дни, освещало золотую крышу мэрии, голуби устраивали толковище на парапетах. Воробьи отчаянно воровали крошки, которые сизари затащили на крышу для кормежки подруг, сидящих на яйцах.

Если бы кто-нибудь сию минуту остановил на площади прохожего и спросил, что же такое примечательное случилось несколько минут назад, то тот пожал бы плечами, скривил губы и ответил: «А что могло произойти в этом городе? Разве что плату за свет опять подняли». А потом этот оратор резво отскочил бы в сторону, отшатнулся бы от мужчины с безумными глазами, пробегающего мимо.

Глава 2

Оперативная бригада Следственного комитета России прибыла в Старооскольск спустя три часа после того, как в здании с белыми колоннами прозвучали выстрелы. В этот городок, расположенный в Московской области, можно было прибыть самолетом. Хотя бы ради того, чтобы посмотреть, как переливаются под солнцем крыши домов, стоящих на центральной площади. Казалось бы, и солидности гостям это должно прибавить. Одно дело, когда в серый дом города Старооскольска заходит группа людей и самый высокий среди них говорит: «Здравствуйте, я следователь по особо важным делам Лисин». Совсем другое – когда к этому дому следователя подвезет черная «Волга», встретившая бригаду у трапа самолета.

Но следователю Лисину из Москвы, как оказалось, такие почести были не нужны. «Волга» действительно была черная, но не местная, с государственным флагом вместо номера региона. Она-то и привезла ту самую бригаду, которая отныне должна была заниматься делом, не нашедшим себе места в обычной сводке статистических данных. В России не так часто совершаются убийства сразу трех сотрудников прокуратуры, находящихся на работе. При этом никто даже предположительно пока не мог назвать имя убийцы.

Бригада, точнее сказать – ее состав, старооскольскому прокурору сразу показался... Не подозрительным, конечно, нет. Малочисленным, что ли. Одного узнать можно и без представлений. Крупный мужчина с легкой проседью на висках – следователь, конечно. Но кто эти двое, оба лет тридцати, было непонятно. Двигались они быстро, проявляя ребяческую прыть. Сотрудники Следственного комитета могли бы вести себя и посolidнее, быть постарше. Если только это не курьеры, которых Лисин привез с собой, чтобы те таскали ему кефир из буфета.

Вскоре Андрей Сергеевич Мартынов, прокурор города Старооскольска, познакомился с гостями. Ему все стало ясно. Но недоумения от этого не убавилось.

– Кто это? – шепнул ему его же заместитель – советник юстиции Горбунов.

Он следил за первыми перемещениями по третьему этажу московского важняка, вальяжно курящего на ходу. Двое молодых мужчин следовали за ним по пятам.

– Вон тот, что повыше, – опер МУРа, – скривив в его сторону рот, объяснял заму Мартынов. – Некто Сидельников. Второй – Юштин, если я не ослышался.

– Тоже из МУРа?

Начальник ГУВД давно уже находился на месте происшествия. Он начал работу с того, что приказал оцепить здание. Его попытки организовать совместную деятельность с прокурором города оказались не столь успешными, как он рассчитывал. Шок, поразивший это ведомство, был настолько велик, что генерал-майору не оставалось ничего другого, как некоторое время распорядиться в одиночку и отдавать команды из стандартного набора полицейского руководителя, организующего первичные мероприятия по розыску преступника. Вскоре стало ясно, что по горячим следам «прокурорского палача» задержать не удастся. Генерал организовал мероприятия второго эшелона и заметил представителей городского законодательного собрания.

Он велел не подпускать к зданию этих граждан с лакированными значками на лацканах, еще раз переговорил с Лисиным, попросил его обращаться к нему напрямую в случае необходимости и убыл.

Окружной прокурор не появлялся, но шел слух относительного того, что он должен прибыть с минуты на минуту. Государственный советник юстиции Тульский уже три дня находился в Берлине, где на международной ярмарке представлял свою новую книгу «Угроза миру, какая она есть». Теперь его самолет приближался к Старооскольску из Шереметьева. Писатель сделал там пересадку по дороге из Германии.

Следователь Лисин приблизился к Мартынову, затушил сигарету в пепельнице, которую держал в руке, и коротко бросил:

– Так введите же меня в курс дела.

Бесцеремонность, с которой это было сказано, покорила Мартынова.

– Это я запросто!

– Это я запросто!.. Мы ничего не знаем. Теперь вы полностью в курсе дела.

– Так уж ничего? – Следователь подумал, куда деть грошовую пепельницу, найденную на окне меж этажей, и бросил ее в урну, торчавшую в углу коридора. – А весь город трубит о том, что как минимум трое из вас видели убийцу в лицо.

– Видели.

– Вы говорите, что убийцу видели, но ничего не знаете, так? Наверное, не зря я приехал. Как выглядел стрелок?

Мартынов, не ожидавший от грузноватого важняка такого энергичного поведения, поежился и ответил:

– Это был мужчина тридцати пяти – сорока пяти лет, белый.

– Неужели убийца – белый мужчина? – Лисин почесал подбородок. – Как я понимаю, преступление почти раскрыто.

Мартынов поморщился и уточнил:

– Я имел в виду, что волосы у него были белые.

– Ах, волосы. Это хуже. Он седой, покрасился или был в парике Фаины Раневской?

– Это вам и предстоит выяснить.

– Согласен. – Лисин кивнул, повернулся к операм и скомандовал: – Юноши, за дело.

Пока все три трупа продолжали оставаться на прежних местах. В течение трех часов прокуратура дышала смертью, и последствия этого были налицо. Некоторые женщины, состоящие в штате надзирающего органа, чувствовали себя не самым лучшим образом. Преимущественно потому, что по настоянию следователя по особо важным делам Лисина всем, кто в трагический момент выстрелов находился в здании, было запрещено его покидать. Он разрешил допустить внутрь лишь две бригады врачей и вывезти в больницу раненого сотрудника.

– Блицопрос, Андрей Сергеевич, – наконец-то заговорил Лисин, крутя между пальцами сигарету, выкуренную наполовину.

Не найдя в коридоре ни урны, ни пепельницы, он вынул из кармана блокнот, вырвал из него лист, свернул конусообразный пакетик и похоронил в нем окурок.

– Неизвестный поднялся на третий этаж с пистолетом «ТТ» в кармане. Я не спрашиваю, как это могло произойти. Меня интересует другое. Убийства совершены в тридцать четвертом и тридцать восьмом кабинетах. Первый вопрос: находился ли в это время кто-то в тридцатом, тридцать втором и тридцать шестом кабинетах?

Мартынов поджал губы, прошелся вдоль стены и ответил:

– В тридцать втором в момент выстрелов находился Храмов, в тридцать шестом – Василенко и Майснер. В тридцатом устроен склад, он всегда на замке.

– Рабочие кабинеты были заперты или открыты?

– То есть? – не понял Мартынов.

Происходящее очень напрягало его. Он был хозяином городского надзирающего органа и находился в своем здании, где только что погибли его сотрудники. Но сейчас к всеобщей мобилизации призывал не Мартынов, а какой-то важняк, хотя бы и столичный. Мысли об этом не давали ему покоя и выводили из себя.

– Я что, спросил, чему равен квадрат гипотенузы треугольника? Постарайтесь сосредоточиться. Замки на дверях тридцатого, тридцать второго и тридцать шестого кабинетов на момент выстрелов были заперты или нет?

Мартынов посмотрел на следователя – не насмехается ли? Но Андрей Сергеевич сделал это скорее машинально, нежели в надежде получить хоть какой-то ответ на такой вопрос.

– Открыты, – подал голос из кабинета прокурор Василенко.

– И у меня, – подумав, поддержал его Храмов. – В смысле, дверь притворена, но замок был открыт. Ручку надави и...

– И входи, – поддержал Майснер.

Они тоже чувствовали себя не самым лучшим образом. Молчаливый следователь заставил всех рассестись по своим рабочим местам, позвал с собой лишь прокурора города и его заместителя. На третьем этаже веял дух нехороших перемен. Несмотря на открытые окна в кабинетах и выбитые стекла в конце коридора, у всех в носу стоял кислый запах сгоревшего пороха и сладкий – запекшейся крови.

– А кабинеты по нечетной стороне пустовали? – продолжал допытываться Лисин.

– Нет, там тоже находились наши сотрудники, – басил Мартынов, и юристы различных классов, сидевшие в кабинетах, чувствовали, что все закончится не просто плохо, а даже еще хуже, чем есть сейчас. – Зачем это вам?

– А затем, уважаемый Андрей Сергеевич, чтобы понять, какую цель преследовал убийца, поднимаясь на третий этаж.

– Какие же выводы вы сделали на основании наших ответов?

После паузы, расшифрованной сотрудниками как непонимание того момента, нужно ли отвечать на подобные глупые вопросы, они услышали:

– Кажется, времени прошло уже достаточно. Вам пора прийти в себя. Или вы из себя и не выходили? Тогда мне не кажется странным, что в ваше ведомство приходит человек и начинает палить из пистолета.

– Послушайте...

– Я не договорил!

Тут служащие прокуратуры подумали: «Ого!.. Так с Мартыновым еще никто не разговаривал без неприятных последствий для себя».

– Убийца заходит в прокуратуру и не начинает пальбу сразу же, прямо на первом этаже. Там его никто не интересуется. Он поднимается на второй, где у вас расположен отдел по защите прав человека. Я не ошибаюсь?

– Все верно. – Горбунов, заместитель Мартынова, понимал проблемы шефа и пытался помочь ему.

Он тоже старался хмуриться, но изредка его лицо пересекала какая-то усмешка, быстрая, как молния.

– Отдел по защите прав человека убийцу тоже почему-то не интересуется. – Лисин ходил по коридору, говорил медленно, голос его становился то яснее, то глуше. – Он поднимается на третий этаж, минует тридцатый кабинет. Не заботит его и тридцать второй, что позволяет сейчас прокурору отдела по надзору за соблюдением федерального законодательства Храмову отвечать на мои вопросы, а не лежать на полу. Этот человек уверенно заходит в тридцать четвертый кабинет и убивает прокурора Журова, находящегося там.

Кто-то шумно и судорожно сглотнул, и по коридору разлетелись цокающие звуки каблучков. Какая-то сотрудница прокуратуры города Старооскольска не выдержала остроты событий, реконструируемых следователем.

Лисин дождался, пока женщина скроется в туалете, и продолжил:

– Убийца расправился с Журовым и вышел в коридор. Меня удивляет его целеустремленность. Вместо того чтобы закричать на весь белый свет: «Танцуют все!» и начать рвать ручки дверей, сопровождая это пальбой от бедра, мужчина минует тридцать шестой кабинет, где сидят два прокурора в такой же форме, как и у Журова, и направляется в тридцать восьмой.

Женщина вышла из туалета, вытирая лицо бумажным полотенцем, но услышала последние слова Лисина и вернулась в помещение, способное понять ее и принять всю глубину истрадавшейся души.

– В тридцать восьмом кабинете он убивает Хотынцева и Голощекину, причем в последнюю стреляет трижды. После этого выходит и делает еще два выстрела. Первый в сторону прокурора города и полицейских, преследующих нашего героя, второй – в прокурора Гасилова, внезапно появившегося в проеме двери кабинета номер сорок. После этого мужчина выпрыгнул в окно и был таков. Стрельба по «бегущему кабану» из окна третьего этажа оказывается пустой тратой боеприпасов. – Следователь остановился напротив Мартынова и навис над ним, не беря на себя труд выглядеть пристойно. – Кто-то еще не понял ход моих мыслей?

Он напрасно старался. В этом сером здании с белыми колоннами Лисина могли понимать лишь его спутники – опера МУРа.

– Убийца направлялся в прокуратуру с конкретной целью. Он хотел застрелить именно Журова и Хотынцева. Сказать так же насчет Голощекиной не имею возможности, поскольку она погибла в чужом кабинете. Не исключено, что женщина случайно попала в переделку. Но я допускаю и другое. Оказавшись в ту минуту в кабинете Хотынцева, Голощекина просто помогла убийце решить задачу, стоящую перед ним. Последняя версия имеет право на существование, потому что только в эту сотрудницу прокуратуры мужчина выстрелил трижды. Это была злоба или что-то другое. – Лисин оторвался от Мартынова, переместился к Горбунову и заявил: – Послушайте, ваше лицо так часто озаряет какая-то светлая судорога, что я склонен думать о том, что вы рады одному обстоятельству.

– Что вы имеете в виду? – переполошился заместитель прокурора.

– Я говорю о том обстоятельстве, что на момент происшествия вас не было в прокуратуре.

– Знаете, вы как-то странно начинаете расследование. – Горбунов раздулся, лицо его стало разбухать прямо на глазах.

– Хотите предложить свою помощь? – По лицу Лисина скользнула тень иронии. —

Обойдемся без сентенций

Обойдемся без сентенций. Так вот, на данный момент не представляется возможным выяснить, кого еще хотел застрелить преступник. Полицейские на первом этаже наконец-то услышали громкий женский крик и помешали стрелку. Однако смею предположить, что если у убийцы и осталась какая-то цель, то в единственном числе. Мы знаем, что запасного магазина к пистолету у него не было, или же пользоваться им он не считал нужным. После посещения кабинета Хотынцева в магазине «ТТ» имелось только два патрона.

Лисин остановился напротив двери, распахнутой настежь. Через проем хорошо были видны и нога прокурора Хотынцева, вытянутая из-под стола, и окровавленное нижнее белье Голощекиной.

Он вздохнул, провел рукой по лицу и заявил:

– Я увидел все, что хотел. Эксперты закончат свою работу, и я попрошу вас, Мартынов, организовать вывоз тел. На крыльце вас ждут четыреста журналистов и столько же родственников. Свяжитесь с начальником ГУВД и доставьте тела в морг без сопровождающих манифестаций. И последнее. – Лисин хищно оскалился и посмотрел вокруг каким-то желтым взглядом. – Я не могу запретить, поэтому прошу. Если кто-то из присутствующих передаст какому-либо репортеру хотя бы слово из тех, что здесь прозвучали, то я найду информатора и удавлю его.

Тишина на этаже стала еще более ощутимой.

Огледев поле боя в последний раз и отбросив ногой огромную щепку, отколотую пулей от двери, следователь посмотрел на Мартынова.

– У нас с вами сегодня очень много дел. – Он поднял щепку, повертел ее в руках и осведомился: – Карельская береза?

– Карельская, – хрипло подтвердил прокурор города.

– Хорошо живете. Мне нужен кабинет. И еще два – членам моей бригады.

В кабинете прокурора Лисин увидел электрический чайник, стоящий на окне, отключившийся и дымящийся через носик. Потом он выглянул на улицу и улыбнулся малышам, играющим во дворе.

– Гасилова, как ему сделают перевязку, сразу ко мне. Это в первую очередь, товарищ прокурор города. – Следователь облизнул пересохшие губы, протрещал в кармане фольгой, вынул оттуда белую таблетку и уложил под язык. – Никак не могу привыкнуть. В десяти шагах от меня лежат на полу три трупа, а в пятидесяти – пацаны играют в футбол. Сидельников, позови Горбунова!.. Не одному же прокурору города здесь столбенеть, верно? – бесцеремонно начал он, едва увидел того в дверях. – Все материалы Журова, Хотынцева и Голощекиной за последний год передать капитану полиции Сидельникову.

– Я так понимаю, для проверки? – уточнил заместитель. – Но я плохо представляю... точнее, совсем не представляю, как можно будет назвать проверку законной, если ее станет проводить сотрудник Следственного комитета.

Лисин продолжал смотреть в окно, потом вдруг резко развернулся, пронзил Горбунова взглядом и сказал:

– В этой суете я забыл сообщить главное. – Он сунул руки в карманы, шагнул к заместителю, и от этого приближения стокилограммового тела Горбунову сразу стало неудобно. – Если кто-то здесь считает, что я превышаю свои полномочия, то он вправе обратиться к генеральному прокурору. Жалоба должна быть составлена следующим образом: «Я, прокурор города, руководитель органа, в который неизвестный убийца пронес оружие и произвел расстрел троих сотрудников, залив кровью пол целого этажа, считаю действия следователя Следственного комитета Лисина чересчур жесткими, а оттого незаконными».

– Я сейчас распоряжусь насчет материалов, – сообщил заместитель Мартынова, и по его лицу снова пробежала искорка какого-то счастья, неуловимая невооруженным глазом. – Это все, или будут еще указания?

– Нет, это не все, – пожевав губами, пробормотал Лисин. – Я заметил на втором этаже актовъй зал.

– Есть такой, – подтвердил Горбунов.

– Через два часа там должны быть все родственники убитых, живущие в этом городе.

Искра не добежала и до середины пути, потухла, словно наткнулась на ручеек пота. Лицо заместителя стало грустным и озабоченным. Его щеки обвисли, глаза сделались бездонными.

– Я прослежу, – прохрипел Мартынов.

– Нет, этим займется ваш заместитель. У нас сейчас будет много работы, как я и обещал. Теперь я хочу, чтобы все входы в прокуратуру были заблокированы. Любой человек, проникший в здание, должен быть незамедлительно задержан. Видео– и аудиоаппаратура изымается, кассеты и цифровые диктофоны сдаются капитану полиции Юштину.

Лисин остался один и направился к чайнику. Он вдруг подумал о том, что за двадцать лет службы ему ни разу не приходилось расследовать преступления, где жертвами были бы сразу три сотрудника прокуратуры, которые погибли на рабочих местах. Обычно прокуроров убивают по дороге домой или прямо в квартире, вне служебной обстановки. Из мести, в результате выяснения отношений, отягощенного нетрезвым состоянием сторон, не зная, что этот человек – сотрудник прокуратуры. Лисин пытался настроить память на ассоциативную волну, но она не предоставляла ему ни единого случая, когда в здание прокуратуры вошел бы человек и выборочно, следуя только ему одному известным галсом, расстрелял бы троих тамошних сотрудников и ранил еще одного.

Версия о сумасшествии фигуранта место, конечно, имела. Ее нельзя отбрасывать до тех пор, пока не будет доказано другое. Не исключено, что психически неуравновешенный человек, претерпевший какие-то неудобства от надзирающего органа, забрел на рынок, купил «ТТ» со спилленным номером, вошел в прокуратуру и начал стрелять. Но тронутый умом вряд ли стал бы разбираться, кто виновен в его проблемах, а кто нет. Для таких штат прокуратуры – единое целое, а потому какая разница, с какого конца начать?

Служащая, выдающая на входе пропуска, уверяла, что мужчина был трезв и в своем уме. Он ссылаясь на какого-то следователя Кириллова. Да, таковой есть в прокуратуре города Старооскольска. Но установлено и другое. Он уже четыре года работал в двадцать седьмом кабинете на втором этаже и никогда оттуда не переезжал. Самое главное состояло вот в чем: Кириллов уже через десять минут после прибытия Лисина сообщил ему, что никого в это солнечное утро для допроса не ждал. Тем более для повторного. У него в производстве шесть дел. Два из них связаны с изнасилованием и четыре – с убийством. Все преступления носят статус висяков, и перспектив для раскрытия оных, как стыдливо заметил юрист первого класса Кириллов, не намечается.

Из всего этого следует сделать вывод о том, что человек, прибывший в здание в качестве палача, знаком со штатной структурой прокуратуры Старооскольска. Ему известно, в каких случаях на входе может быть выписан пропуск. Лицо, не разбирающееся в режиме службы прокуратуры, никогда не повело бы себя так, как этот убийца.

Ожидая, пока к нему доставят Гасилова, выжившего в кровавой переделке, Лисин вышел из кабинета и направился на первый этаж. В коридоре он встретил Сидельникова, за которым, сгибаясь под тяжестью груза, спешили две девушки в гражданских платьях. Они несли по несколько десятков серых папок, видимо, из числа тех, что следователь велел передать Сидельникову.

На втором этаже он обратил внимание на одну деталь. Окно, такое же, как то, через которое покинул прокуратуру убийца, здесь было загорожено металлической решеткой.

Почесав подбородок пальцем, он свернул с лестницы и, следуя по коридору, стал по очереди распахивать двери кабинетов. Вот красивое, милое личико следователя прокуратуры. Женщина блее мела. Она сидит за столом и пытается погасить ледяной озноб чашкой дымящегося кофе. Ее трясет словно шизофреника, которому для растормаживания вогнали под кожу лошадиную дозу транквилизатора. А на окне вот она – решеточка.

Следующий кабинет, напротив. Прокурорский работник в форме младшего советника юстиции смолит сигарету. По всему видно, что она у него не первая в это утро. Окурков одинаковой длины в пепельнице уже с десяток. А на окне – решетка. Точная копия тех, что в коридоре и там, где сидит красавица в короткой юбочке и погонах юриста второго класса.

Лисин уже не открывал все двери подряд. Он прошел до конца коридора, проверил еще два кабинета – по одному с каждой стороны – и везде обнаружил решетки.

Вот так и рождаются новые идеи. Самые неожиданные и маловероятные. Но любая версия имеет право на жизнь, пока не установлена ее бессмысленность.

Достигнув наконец первого этажа, он прошелся вдоль ряда посетителей, сидящих на стульях. Они были выпровожены из кабинетов и оставлены здесь для выяснения обстоятельств. Все они на момент атаки на прокуратуру имели неосторожность находиться в ней, теперь терпели муки плена и даже не пытались высказать по этому поводу своих возмущений. Видимо, шок от случившегося поразил не только руководителей надзирающего органа города Старооскольска, но и тех людей, которые пришли в здание по личным мотивам.

– М-да, – выговорил Лисин, взглядевшись в серые лица присутствующих, и двинулся к вахте, где убийца получил пропуск.

Служащая, своею рукою выписавшая «прокурорскому палачу» разрешение на аутодафе, четвертый час находилась под контролем медиков. Везти ее в больницу, в отличие от прокурора Гасилова, не было необходимости. Валерьянки, валокордина и нашатырного спирта было достаточно и в мобильных кофрах врачей. Женщина иногда успокаивалась, пыталась воссоздать подробности обращения к ней убийцы, которого она в этом состоянии никак не могла вспомнить. Потом бедняжка вдруг начинала биться в истерике, крича о том, что знает каждую морщину на его «гладко выбритом, голубоглазом лице».

– Вы его видели хотя бы раз в жизни? – спросил Лисин, подсаживаясь на соседний стул.

– Никогда! – горячо запротестовала она.

– Вы ходите сюда на работу каждый день в течение последних восьми лет, не так ли? – Важняк был настойчив, потому что точно видел вину женщины, хотя и косвенную, но, в его представлении, не малозначимую.

Если тебя посадили выписывать пропуска в прокуратуру города, то к этому занятию нужно относиться куда внимательнее, нежели к той же работе, но на проходной завода, выпускающего пылесосы.

– Человек сказал вам, что его снова вызывают для допроса, а сие означает, что он здесь не впервой. Он знает фамилию следователя, и вы даете ему право зайти внутрь, даже не поставив в известность этого следователя.

– Давайте! – закричала служащая, требуя новую порцию успокоительного. – Давайте! Я так и знала, что вы быстро найдете виновного! Из Москвы оно, конечно, виднее!

– Тихо, – попросил Лисин, вынимая из пачки сигарету. – Обойдемся без истерик, мадам. Я хоть и из Москвы, но мне пока ничего не видно. Теперь идите-ка сюда!..

Полицейские подошли, чувствуя неизгладимую вину за свою никудышную стрелковую подготовку.

– Arbeit macht frei. Что я сказал?

С немецким у старооскольских полицейских было еще хуже, чем со стрельбой.

– «Работа делает свободным». Это было написано на воротах Освенцима, – объяснил Лисин. – Вы вот-вот освободитесь от каторжного труда, связанного с исполнением своих служебных обязанностей.

– В чем мы виновны? – буркнул старшина.

– Вас ждет народное хозяйство, – не обращая внимания на реплику «от коллектива», пообещал Лисин. – Токарю или фрезеровщику не нужно обладать способностями фейсконтролера и видеть оружие под чужой одеждой. – Важняк поднялся, сразу стал на голову выше полицейских и вознес свой толстый палец над головой одного из них. – Даже в самых зачумленных пабах Москвы, в позорных гей-клубах и рюмочных есть люди, которые способны в глазах и жестах всякого приходящего читать угрозу учреждению. Они не пускают таких людей в свои заведения и получают за это заработную плату. Зачем здесь стоите вы? Пугать посетителей своей хрустящей зевотой и помятой формой?

– Нам что, каждого обыскивать? – затараторил, понимая свою правоту, младший сержант. – На нас же заявления писать будут!

– Ты – в этот угол, – велел Лисин, с визгом расстегивая свою папку. – Ты – в противоположный конец коридора. Два листа бумаги. Мне нужно подробное описание лица, устроившего здесь маленькую Боснию. Граждане!

От этого хриплого простуженного призыва люди, сидящие в коридоре словно в плену, вздрогнули и вогнали головы в плечи.

– Сейчас эти полицейские разойдутся по разным сторонам коридора. Если за время моего отсутствия они вдруг перебросятся хотя бы словом, то я должен буду об этом знать.

Горбунов стоял неподалеку от эпицентра событий и разговаривал по мобильному телефону. Он бросил в сторону московского важняка пустой взгляд и почесал пальцем ямочку на подбородке. Ему, как и многим в этом здании, не были до конца понятны поступки этого москвича. Однако, увидев в дверях молодого человека с перевязанной правой рукой, он ожил и развернулся в сторону Лисина.

– Иван Дмитриевич! – Горбунов дал при крике петушка, чем немного расслабил «арестованных» посетителей, прокашлялся и уже деловитым голосом проговорил: – Это Артем Андреевич Гасилов, которого вы искали.

– Не искал, а просил его сюда доставить. Как рука, прокурор?

Не зная, как отвечать человеку, который шутя ставил его начальника в неудобные позы в родном ведомстве, Гасилов вяло пожал руку следователю и обернулся к Горбунову.

– Да вы не обращайтесь на него внимания, – совсем уж дерзко посоветовал Гасилов огромный незнакомый мужчина. – Ему сейчас не до нас. Я – Лисин. Пойдемте, наверху заварился отличный чай... Сидельников! – заметив в конце коридора знакомое лицо, прокричал он. – Взять книгу регистрации материалов и лично вывернуть архив во второй раз!

– Вы кто? – очень медленно и членораздельно поинтересовался Гасилов.

– Мне кажется, я самая большая неприятность города Старооскольска за всю историю его существования. Так я не услышал – как рука?

– Ноет.

– Это хорошо.

– Что же в этом хорошего? – Гасилов фыркнул и недружелюбно посмотрел на человека, статус которого до сих пор не уяснил.

– Хорошо в том смысле, что вот, к примеру, у Журова с Хотынцевым уже ничего не ноет. – Следователь подтолкнул Гасилова к лестнице и после этого стал нравиться ему еще меньше.

Вкуса чая, предложенного московским следователем, раненый прокурор не ощущал. Больничные анестетики и бета-блокаторы, коими молодой человек был напичкан, как апельсин водкой, стояли в горле и на языке неприятной горечью, мешали адекватно воспринимать

даже запах табака. Тем не менее чай он пил старательно, уже знал должность и полномочия собеседника, поэтому старался понимать его и быть при этом понятным ему.

– Два месяца до пенсии,

– Два месяца до пенсии, и тут это дело, – говорил Лисин. – Вы понимаете, что это значит?

– Нет.

– Это значит, что имя мое пронесется сквозь века или я с позором отвалю в Балашиху удить карасей. Так вы видели лицо убегающего мужчины?

– Я видел его со спины. – Гасилов утвердительно качал головой, однако его ответ только частично совпадал с этими движениями. – Когда он бежал на меня, я какое-то мгновение держал взгляд на его лице. Но этого недостаточно, чтобы я смог сейчас нарисовать словесный портрет. Когда я увидел пистолет...

– Ты испугался.

– Нет, не успел. Скорее я растерялся. В противном случае мне удалось бы заскочить в кабинет – время для этого было.

– Но ты продолжал стоять и видел не лицо мужчины, а лишь его абрис и пистолет?

– Вы умеете правильно отвечать на свои собственные вопросы, – начал ерничать Гасилов.

После расслабляющих препаратов он ощущал душевную раскрепощенность и верил в то, что неуязвим ни для пули, ни для сабли.

– При этом сохраняю надежду на то, что ты тоже примешь участие в нашем разговоре.

– Я разглядел его позже, но опять-таки со спины. Он навел на меня «ТТ», вхолостую сработал пальцем, и я понял, что пистолет разряжен. Убийца к тому времени уже почти выбил оконную раму. Все, что ему оставалось, это бросить в меня ствол.

– Почему убийца? – помолчав, спросил Лисин. – Ты видел, как он убивал Журова, Хотынцева и Голощекину?

– Нет, – ответил прокурор, чуть подумав.

– То-то. – Следователь распустил под кадыком узел галстука, развалился в кресле и вдруг спросил: – Давно в прокуратуре?

– В этой или вообще?

– Вообще, – уточнил следователь после очередной паузы.

С первой минуты разговора с Гасиловым Лисин вдруг предался мыслям, препятствующим скоропалительным командам и поступкам, привычным для многих здешних работников.

– Шестой год. После армии заочно закончил юрфак в Томске и подался на службу в «око государево».

– А через шесть лет едва не оказался в его заднице, – подытожил Лисин. – На этот раз уже очно.

Гасилову разговор не нравился. Этот важняк из Москвы совершенно не вписывался в светлый образ следователя, вдалбливаемый в голову Гасилова на протяжении пяти лет учебы и шести – службы. От большого во всех отношениях московского гостя всерьез пахло неприятностями, несло пошловатым душком и неуважением к традициям. Быть может, если бы речь шла об убийстве кого-то другого, но не коллег, тела которых до сих пор оставались в кабинетах, испачканных застывшей кровью, Гасилов был бы более сдержан в эмоциях и выводах. Но когда на этаже, где лежат убитые товарищи, сидит московский следователь, хохмит, богохульствует, пьет чай да еще заставляет хлебать его и самого Гасилова!..

Прокурор отодвинул от себя чашку так резко, что в ней звякнула ложка, и спрятал взгляд, чтобы не выдавать его стального блеска. Но тут же выяснилось, что Лисину не было никакого дела не только до этого, но и до всего прочего, что не имело отношения к интересующему его вопросу. Важняка не волновали ни щебетанье за окном воробьев, отогревшихся на солнце, ни бередищий душу запах смерти на третьем этаже, ни прокурор города Мартынов, то входящий в собственный кабинет, то из него выходящий.

Гасилову такое положение вещей не нравилось. Чем дольше в кабинетах лежали трупы его коллег, тем сильнее становилось это навязчивое чувство неприятия.

– Нервничаете, Гасилов?

Прокурор присмотрелся и увидел в глазах следователя по особо важным делам злые желтые огоньки.

– Не нравится моя манера хозяйничать в чужой усадьбе, хлопать по плечу и шее руководство при подчиненных, пленять граждан и мучить полицейских?

– Не нравится, – робко произнес прокурор.

– Я так и знал. – Лисин довольно откинулся в кресле, поднес к губам чашку с остывшим чаем и сделал шумный глоток, показавшийся прокурору похожим на работу помпы, втягивающей в себя воду вместе с воздухом.

Важняк оставил в покое пустую чашку, по-хозяйски развалился за столом и стал играть огоньками. Над колесиком «Зиппо» поднимался огонек и отражался в его глазах. Крышка зажигалки щелкала, огонек затухал, но зрочки московского гостя продолжали отсвечивать преисподней.

Гасилову не нравилось все, чего он не понимал. Он боялся подобных вещей и вдруг понял, что ему страшно сидеть рядом с Лисиным.

Сегодняшнее утро началось необычно, не так, как всегда. Сначала в него стреляли. Потом хотели добить. Он уже побывал в больнице, а теперь следователь пытался склонить его к казуистическим рассуждениям. Вопрос, прозвучавший последним, лишний раз убедил Гасилова в собственной правоте.

– Вам сколько лет? – руководствуясь одному ему известными соображениями, Лисин обращался к молодому сотруднику то на «вы», то просто и фамильярно.

– Двадцать семь. Полных.

– Вы уже не в больнице. Что значит «полных»? Итак, двадцать семь. Из них в прокуратуре вы трудитесь, выражаясь вашим же языком, полных пять лет. – Лисин покачал головой и со стуком сбросил с ладони никелированную зажигалку. – А мне сорок семь. Из них я двадцать пять работаю следователем.

Для Гасилова это было сроком, не поддающимся восприятию. Он плохо представлял себя за два месяца до пенсии и никак не мог увидеть собственную персону в роли важняка из Следственного комитета.

– Прежде чем сказать главное, я поставлю тебя в известность об одном факте, о котором ты еще не догадываешься.

– У меня в Шотландии померла бабушка и оставила мне замок и тридцать три коровы?

– Круче, – не моргнув глазом, пообещал Лисин.

– Тридцать... четыре коровы?

– Я прав, – ухмыльнувшись, подытожил Лисин. – Ты мне подойдешь. С этой минуты ты член моей группы.

– Но...

– Почему ты не открывал рта таким вот манером, когда речь шла о замке в Шотландии? – Следователь подобрал зажигалку и стал осторожно постукивать ею по столешнице, выделяя ударения в произносимых словах: – Распоряжение о введении тебя в группу я подготовлю. Следственный комитет согласует это с Генпрокуратурой. Приказ придет Мартынову по факсу завтра утром, но это уже ничего не значит. Ты в моем подчинении.

– А как же тогда выглядит главное? – Прокурор облизнул губы, пахнувшие новокаином, поправил руку, лежащую на перевязи.

Действие лекарств стало отходить, уступая место боли. Кажется, именно в этот момент Гасилов начал понимать, что все происходящее – всего лишь реальность.

– С учетом того, что я никогда раньше не был членом следственной бригады?

– Это касается твоего неприятия моего отношения ко всему тому, что тебе привычно. Запомни, Гасилов, одно правило и пронеси его, если сможешь, до конца своей карьеры как кредо. – Перед лицом молодого человека появился крепкий палец, покрытый светлыми волосками. – Если кто-то вошел в твой дом и убил близких тебе людей, значит, он бросил вызов, сделал это публично, дерзко, надсмехаясь над тобой и погибшими. Теперь уже нет разницы, как именно ты найдешь мерзавца и придушишь его. – Следователь отстранился от прокурора, убрал в карман зажигалку, пачку сигарет и похлопал ладонью по столу, привлекая внимание Гасилова. – Тебя коробит от моей очевидной грубости и развязности. На самом деле это нечто другое. Наша психика устроена таким образом, что недружелюбное отношение к человеку легко исправить на симпатию. Обратная же трансформация невероятно сложна. У меня, как и у тебя, тоже был учитель. Так он говорил мне и куда более страшные вещи.

– Например? – Эта беседа без темы стала увлекать Гасилова.

– Он советовал мне беседовать с незнакомыми людьми так, словно они уже поступили со мной нечестно. Чтобы по окончании этих первых разговоров меня немного мучила скабрезная мысль о том, что они не заслуживают того, чтобы я общался с ними так грубо, развязно, неуважительно. По правилу, подтвержденному незыблемым законом природы, вскоре выяснится, что восемь из десяти людей, с которыми ты столкнулся в новом уголовном деле, этого заслуживают. У остальных двух, Гасилов, не так уж трудно попросить прощения. Лучшее же извинение следователя перед порядочными людьми – это уголовное дело, профессионально и справедливо расследованное им. Так что каяться в той манере, в которой это привыкли видеть люди, не нужно вовсе.

Молодой прокурор вынул из кармана пачку и стал выковыривать здоровой рукой сигарету. Это никак у него не выходило. Следователь выждал, когда сигарета сорвется с пальцев Гасилова в третий раз, потом забрал у него пачку и помог.

– Только никогда не произноси вслух того, что сейчас услышал.

– Почему же вы это сказали? – искренне любопытствовал Гасилов.

– Мою репутацию испортить уже невозможно. Если я в приступе сумасшествия решу принять взятку и буду на этом застукан, то все сочтут, что меня подставили. – Лисин поднял большой палец и потыкал им через плечо в сторону двери. – На расследование одного из самых страшных преступлений начавшегося года я привез бригаду, состоящую из меня и двух оперативников. Они лучшие в МУРе, но согласишься, что это не очень многочисленная группа для того дела, свидетелем которого ты стал.

– Да уж.

– Между тем для меня это оптимальный состав. Если следователь, располагающий такой вот бригадой, не в состоянии найти убийцу, то ему не сделать этого и с тысячей помощников.

Логика, не похожая на постулаты, что были в ходу в Старооскольске, но беспощадная и справедливая, заставила Гасилова промолчать. Оправдаться ему было чем. Он не курил с момента ранения и теперь жадно втягивал в себя табачный дым.

– Я уверен, что крови ты увидишь еще столько, что не будешь знать, куда ее сливать. Многое... – Лисин помолчал, прищурился и ощупал Гасилова взглядом, словно обыскал. – Да, многое покажется тебе еще более неприятным. Та антипатия, которую ты ко мне испытываешь сейчас, может стать, будет направлена уже не в мою сторону. Она коснется тех лиц, которым ты безоговорочно веришь.

– Я не испытываю к вам неприязни

- Я не испытываю к вам неприязни.
- Под стягом моей бригады лжецы не ходят.
- Ладно, испытываю, – сдался Гасилов. – Но небольшую.
- Ты хорошо запомнил этот разговор?

Гасилову не оставалось ничего другого, как признать и это.

– Так вот это наша последняя спокойная беседа. – Такое обещание было похоже уже на угрозу. – Не исключено, что события будут развиваться так, что нам некогда станет выяснять отношения. Предвидя это, я хочу, чтобы между нами все было предельно ясно. Позови сюда Мартынова. Я доведу до него свое решение. С Москвой я согласую прямо сейчас. – Последнее он бормотал уже не для прокурора, а для себя.

Когда в столице подняли трубку, Лисин опустил формальности и начал с главного:

– Егор Викторович, мне в бригаде нужен человек из местной прокуратуры, разбирающийся в криминальной обстановке Старооскольска.

– Так найди его и возьми, – удивился Смагин, заместитель начальника Следственного комитета.

– Я уже нашел и взял. Рапорт пришлю факсом.

– Как там? – помедлив, поинтересовался Смагин.

– Приятный на вид зеленый городок. В таких населенных пунктах у людей весной расцветает душа. Много церквей и совсем мало нетрезвых людей на улицах. За те двадцать минут, пока ехал от окраины до центра, я насчитал четыре храма и двоих пьяных.

– А в прокуратуре?

– Здесь пьяных нет. Но и храм божий это заведение тоже не напоминает. Скорее преисподнюю.

– Тульский еще не прибыл?

– Обещал приехать через час. Уже звонил из самолета. Правда, не мне, а в собственную приемную. Хотя я на его месте в первую очередь связался бы с человеком, прибывшим для расследования.

Смагин знал, что три часа для Лисина на месте преступления – это уже немалый срок, поэтому спросил прямо, не боясь наткнуться на формулировки, уводящие прочь от истины:

– Что на первый взгляд?

– Говоря коротко, ситуация двойка. Это если не считать предположения о невменяемости стрелка.

– Да, давай эту версию забудем, – предложил Смагин.

– А я бы не забывал.

– Иван Дмитриевич, под любым сумасшествием кроется светлый разум!

– Ладно, – согласился Лисин. – Итак, версия первая – месть. Убийца двигался по коридору и заходил в конкретные, интересующие его кабинеты. Он стрелял в определенных людей, обходя других. Это при всех открытых дверях.

– А вторая?

По голосу начальника Лисин понял, что данная версия будет для него главной, пока не доказано иное.

– Акт устрашения. Стрельба шла на третьем этаже прокуратуры, где расположен отдел по надзору за соблюдением федерального законодательства. Убийца миновал и первый этаж, и второй, следственный. Я прошел его дорогой и обратил внимание на один интересный факт. В прокуратуре Старооскольска решетки установлены только на окнах первых двух этажей.

– Так...

– Можно предположить, что убийца ориентировался на это, знал и глубину сугроба под окном. Стрелять он начал не из глубины коридора, что выглядело бы логично, а от лестницы. Преступник продвигался к окну. Предположение о том, что он знал об отсутствии решеток на третьем этаже, поднялся именно туда, учинил расстрел и выпрыгнул, зная точно, что не разобьется, имеет право на жизнь.

– Имеет, – согласился Смагин.

– Но я посмотрел эти оконные рамы. Они, как и двери, изготовлены из карельской березы. Чтобы такие сломать, нужно иметь силу циклопа или отчаяние человека, цепляющегося за жизнь. Оконная рама не была подпилена, сломана заранее или приоткрыта. Человек, поднявшийся на третий этаж и начавший стрельбу, загнал себя в мышеловку. Он не продумал план своего отхода из прокуратуры.

– И что?.. – эхом пронеслось в ухе Лисина.

– У вас люди в кабинете, или вам просто думать не хочется?

– Меня пять минут назад шеф вызывал, – с ноткой вины объяснил Смагин.

– Тогда объясню проще, – с сипотцей в простуженном голосе сказал следователь. – Человек, загоняющий себя в мышеловку, знает, чем это должно закончиться. Последнюю пулю он всегда выпустит себе в рот. Этот же тип начал проявлять признаки любви к жизни. Он отстреливался как двойной агент в момент разоблачения, разворотил ногами деревянную раму окна, спрыгнул с третьего этажа и убежал. Не укладывается в рамки отчаянного террора, верно?

– Верно. Похоже на психа.

– А я что говорю? А вы – светлый разум!..

Прекратив разговор, Лисин недовольно поморщился. Раньше это дело не казалось ему таким уж сложным. Главным было сделать правильный выбор из имеющихся вариантов. Но теперь, после разговора со Смагиным, все опять представилось ему в запутанном виде.

Лисин спустился вниз и встретил по дороге Гасилова с Мартыновым. На лице первого он увидел розовые полосы, второй излучал непонимание и недовольство. Андрей Сергеевич догадывался, что Лисин обязательно припадет кого-нибудь из его сотрудников. Он даже благословил на это дело Горбунова, но непредсказуемый московский следователь сам сделал выбор, причем совсем не в том свете, в котором это представлялось прокурору Старооскольска.

– Он же ранен, черт возьми.

– Не в голову, слава богу.

– Ему бы отлежаться.

– Все мы отлежимся, когда придет срок. – Лисин пропустил Гасилова вперед и дружелюбно улыбнулся городскому прокурору.

Тому же померещился хищный оскал. Говорят, будто в состоянии психологического шока некоторые люди способны видеть кошмары не только во сне, но и наяву.

– Мы идем читать эссе, – поставил его в известность следователь.

– Какое?

– Полицейское.

Рассматривая удаляющиеся спины следователя по особо важным делам и своего сотрудника, Мартынов понял, что отныне ситуация будет рассматриваться следующим образом: он и его прокуратура – отдельно, Лисин и его бригада – с другой стороны. Это снова было не то, на что в сумятице рассчитывал прокурор. Такое противопоставление ему не нравилось. Московский следователь находился здесь уже несколько часов и за все это время ни разу не спросил Мартынова о чем бы то ни было. Чудовищно, но факт! Лисин не поинтересовался у прокурора города, что могло послужить причиной такого жуткого происшествия.

Глава 3

Приверженность окружного прокурора к графомании вызывала раздражение у многих не только в Старооскольске, но и в Москве. Генеральный уже давно приметил в нем страсть к литературе. Первое время он объяснял это желанием Тульского изложить на бумаге то, что тот часто был не в состоянии просто сказать. Некоторым, чтобы их поняли правильно, для выражения собственных мыслей необходимо время. Говорить при большом скоплении коллег и писать в тишине, сидя за столом, – разные вещи.

Каждый рано или поздно сталкивался с ситуацией, когда после разговора проходит некоторое время, и в голову начинают лезть мысли, которые были бы кстати как раз тогда, час или два назад. Именно они, озвученные и усугубленные доброй миной, могли не только сразить собеседника наповал, но и сформировать мнение о себе как о грамотном, духовно богатом человеке. Но время упущено, битва проиграна. Теперь остается только сожалеть о случившемся и как наваждение крутить в голове яркие, но так и не прозвучавшие реплики.

Речь государственного советника на совещаниях, проводимых Генпрокурором, часто была сбивчива. Слова, вылетающие из его уст, выглядели на слух так, словно их переломили о колено. Иногда в его разговоре сквозил юмор, но когда шутка заканчивалась, всем становилось ясно, что без нее было бы лучше.

Провалы, допускаемые при вербальном общении, прокурор самого близкого к Москве округа решил компенсировать изданием собственных трудов. Но на бумаге государственный советник первого класса излагал свои мысли приблизительно так же, как и вслух. Поэтому к работе над литературными детищами прокурора был привлечен журналист из здания, стоявшего неподалеку. Долго уговаривать будущего соавтора не пришлось. К моменту вызова в окружную прокуратуру за этим щелкопером накопилось уже столько грехов, что впору было возбуждать против него хотя и хилое, но вполне реальное уголовное дело.

Первый труд журналиста Семенигина, изданный под литературным псевдонимом «Николай Петрович Тульский», возбудил в мире специальной литературы живой интерес. Четырехсотстраничный фолиант из бумаги превосходнейшего качества с двумя десятками фотографий из личной и общественной жизни окружного прокурора назывался «Звериный лик терроризма», весил около килограмма и стоил шесть евро. Сгоряча его выпустили в России тиражом в сто тысяч экземпляров, что подвигло пять или шесть зарубежных издательств купить права на выпуск фундаментального труда окружного прокурора в своих странах.

Сам Николай Петрович Тульский, окружной прокурор, не имел ничего против как этого фурора, так и пятидесяти тысяч евро, полученных им в качестве гонорара за работу журналиста Семенигина.

Государственный советник еще не догадывался о том, какую проблему нажил себе не только отечественный его издатель, но и пять или шесть зарубежных. На волне первого успеха Николай Петрович в течение трех последующих месяцев написал новый труд. То есть писал, конечно, не он, но об этом никто не догадывался, если не считать, конечно, самого окружного прокурора и непосредственного автора.

Речь в произведении шла о все том же терроризме и его лице, продолжающем звереть. Поэтому не выпустить книгу издатель, уже не раз проклявший себя за связь с прокуратурой, никак не мог. Он не имел на то гражданского права, но договорился о тираже лишь в пять тысяч экземпляров и обещал вывезти книгу в Берлин для ее позиционирования и презентации. Николаю Петровичу это, конечно, понравилось, он облачился в белый парадный мундир с генеральскими звездами и вылетел в столицу объединенной Германии.

Известие о кровавых событиях в прокуратуре Старооскольска застало перспективного автора уже в самолете, где он обдумывал синопсис следующей книги, завершающей триптих.

Остаток полета Тульский провел в непрерывных переговорах по телефону, выясняя, какие меры предприняты, кто убит и кому поручено начать работу на месте происшествия. Он звонил преимущественно в приемную Мартынова, ему самому, избегая при этом непосредственного контакта со следователем Лисиным, уже находящимся в Старооскольске. Николай Петрович знал, что таких приезжих нужно сразу ставить на место, не позволять им совать нос в сферу корпоративных интересов местных структур.

Вместе с двумя советниками юстиции из окружной прокуратуры, сопровождавшими его в берлинском турне, он вбежал на крыльцо серого дома с белыми колоннами, распахнул дверь и тут же наткнулся на высокого мужчину. Тот стоял напротив пары полицейских и вникал в суть того, что было написано на двух листах бумаги.

– Кто вы? – громыхнул Тульский, останавливаясь в шаге от Лисина и обдавая его волной смеси хорошего одеколona с табачным ароматом.

Ответ выглядел более чем странно:

– А вы кто?

Задать такой вопрос Николаю Петровичу в помещении прокуратуры, ему подчиненной, значило оскорбить его прямо и весьма грубо.

Наверное, именно это заставило Тульского сыграть бровью, дрогнуть щекой и залить весь холл здания с белыми колоннами громоподобным криком:

– Ты с кем разговариваешь!.. – Он хотел добавить сакраментальное «твою мать», но вовремя увидел мирных граждан, сидящих на стульях, как воробьи на жердочке. – Кто такой?!

Лисин поморщился, отдал листы Гасилову и посмотрел на Сидельникова, спустившегося со второго этажа на крик.

– Поступим так, – сказал он, стараясь не повышать своего голоса ни на йоту. – Кто вы, я не знаю. Вполне возможно, что прокурор федерального округа и заместитель Генерального прокурора России Тульский. Однако ваше поведение не соответствует моему пониманию этой должности. Поэтому я прошу вас показать ваши документы. Если я в своих предположениях ошибся, вы будете немедленно задержаны. Если нет – я не извинюсь.

Тульский поджал губы, сунул руку под отворот пиджака, вынул удостоверение, затаенное в кожаную обложку, распахнул его и пихнул под нос Лисину. Тот сделал полшага назад, не спеша достал из кармана очки для чтения, встряхнул их, распрямляя, и приложил к удостоверению как к объявлению, приклеенному на фонарном столбе: «Одинокaя блондинка двадцати неполных лет...»

Очки снова исчезли в кармане пиджака, не менее дорогого и стильного, чем у Тульского. Теперь пришел черед Лисина доставать и предъявлять документы.

– Что здесь произошло? – уже более спокойным тоном, но все-таки рявкнул окружной прокурор, поднимаясь по лестнице, ведущей на третий этаж.

– Здесь произошло убийство,

– Здесь произошло убийство, – сообщил Лисин, за спиной которого слышались шаги двух оперов МУРа и прокурора отдела Гасилова.

– А подробнее?

– Я знаю столько же, сколько Мартынов, с коим вы неоднократно разговаривали по телефону.

Тульский промолчал. Последний раз с ним так общались, когда он являлся прокурором Старооскольска. В город для проверки приезжала бригада важняков из Москвы. Дело было шесть лет назад, следователи прилетели как грачи и сразу стали искать желанных червей. Они заходили в какие угодно кабинеты, показывали пальцами на столы и говорили: «Все дела сюда. Сам – свободен».

Николаю Петровичу потом пришлось лететь в Москву, решать вопросы на уровне Генпрокурора, давать обратный ход, уступать позиции и каяться. Когда Тульский опустил ся с небес и снова занял то место, на которое был посажен, то бишь кресло городского прокурора, дела пошли на лад, и бригада грачей улетела. Стоит сказать, что нарыто ими было немало. Материалов хватало не только для отправки Тульского в отставку, но и для вполне резонных вопросов неприятного характера. Однако Николай Петрович тему понял правильно, больше инициатив не проявлял, а потому и принял через несколько лет пост окружного прокурора.

Сейчас Лисин напоминал ему тех важняков, которые ходили по его прокуратуре с резиновыми лицами и отказывались пить чай вместе со старооскольскими прокурорами, которые старательно предлагали его гостям.

Тульский направился в кабинет Мартынова, еще не зная, что его там нет и быть не может. Лисин остался на своем месте и вновь занялся листами, заполненными двумя полицейскими.

– Позовите сюда оператора аналитического отдела, – попросил Лисин Горбунова.

Он читал тексты до тех пор, пока испуганная, до сих пор не пришедшая в себя женщина не вышла из своего кабинета и не приблизилась к нему.

– Вам известно такое понятие: «сравнительный анализ свидетельских показаний»? – буркнул следователь, запоминая написанное.

Она сказала, что такой метод составления словесного портрета ей известен.

Не удовлетворившись услышанным, Лисин сложил листы и передал ей так, словно вручал документы к правительственной награде. При этом он разве что не пожал даме руку.

– Вы сравниваете два текста и фиксируете совпадения. Они должны лечь в основу показаний. Несущественные расхождения, например, серый и зеленый цвет глаз, выделяете в отдельную графу. Это может иметь значение, так как нынешние медицинские комиссии, проверяющие здоровье сотрудников правоохранительных органов, работают спустя рукава. Не исключено, что один из этих двоих может оказаться дальтоником, а второй просто имеет слабую память. Первому карие очи сошли за зеленые, а у второго серый цвет глаз по какой-то причине вызывает неприятные ассоциации с самого детства. Поэтому старшина заявляет о зеленых глазах убийцы, а младший сержант – о серых. – Лисин внимательно посмотрел на сотрудницу прокуратуры и понял, что такой метод сравнительного анализа для нее оказался самым настоящим откровением.

Но в глазах этой женщины светился ум. В отличие от многих других, она смогла выйти из шокового состояния.

Поэтому следователь продолжил:

– Полярные же показания свидетелей вы заносите в третью графу. Например, в своем документе старшина указывает на то, что подозреваемый был обут в коричневые туфли, а на руках его были черные кожаные перчатки. Сержант же уверяет, что видел черные зимние

сапоги и темно-синие вязаные варежки. Такое вот – в третью графу! – Он наклонился и внимательно посмотрел женщине в лицо. – Вам все понятно? Я хочу видеть отчет через час. Нет!.. Через сорок минут.

Когда процессия проходила мимо входа на второй этаж, Сидельников потрогал следователя за рукав и ядовито посмотрел в глубину коридора. Там, у самого окна, стоял сотрудник прокуратуры, что было ясно по его форме, и разговаривал с человеком, одеяние которого даже с большой натяжкой нельзя было отнести к надзирающему органу. Рассмотреть лучше мешала длина коридора, доходящая до восьмидесяти метров, но следователь уже видел, что на мужике средних лет были надеты порядком помятые джинсы, рубашка из той же ткани и короткий матерчатый жилет с множеством карманов.

Оценив внимание капитана МУРа, Лисин хмыкнул и направился к месту переговоров. Мужика он видел впервые и готов был поклясться, что среди лиц, присутствовавших в здании на момент выстрелов и задержанных до выяснения, его не было. Теперь получалось, что таинственный незнакомец проник в прокуратуру, хотя для этого нужно было как минимум пройти через двойное полицейское оцепление.

Сотрудник прокуратуры заметил приближение московского следователя, быстро оторвался от собеседника и зашел в кабинет, то ли свой, то ли первый попавшийся, который просто был рядом. Владелец жилета цвета хаки как ни в чем не бывало уткнулся в окно, расположенное ниже того, в которое сиганул убийца.

– Документы! – коротко потребовал Лисин.

– А в чем дело, товарищ? – запротестовал джинсовый тип. – Я представитель прессы. Вы не можете скрывать информацию и душить свободу слова.

Приняв корочки и проведя по ним взглядом, Лисин поинтересовался:

– Как вы сюда попали?

– Я просто зашел.

– Он просто зашел, – повторил Лисин, словно ему сказали это на чужом языке, и посмотрел на капитана МУРа. – Через два кольца оцепления и скопление сотрудников полиции на первом этаже. Им, кстати, тоже была поставлена задача никого не допускать внутрь.

Поймав взгляд следователя, Сидельников развернул ловкого представителя прессы лицом к спине и начал квалифицированный досмотр.

– Вы не имеете права! – завопил репортер, барахтаясь в его руках.

Под эту мажорную ноту Лисин и вошел в кабинет, ставший убежищем для здешнего следователя.

– Кажется, я предупреждал о последствиях, могущих возыметь свое действие после общения с прессой! – Он говорил, и его распирала злоба при виде того, как старательно стучал следователь по клавиатуре компьютера. – Но для вас, видимо, этого предупреждения оказалось недостаточно.

В дверях появился Сидельников. Оставив репортера Юштину, он вошел в кабинет и вывалил на стол две катушки фотопленки, блокнот, видеокассету формата Hi8 и скомканный листок бумаги. Лисин развернул его и дернул веком. На клочке бумаги значились три фамилии убитых сотрудников прокуратуры и еще одна, того человека, который сейчас стоял за спиной следователя Генеральной прокуратуры.

– Смотрите, Гасилов, – растянув рот в ироничной улыбке, бросил Лисин. – Ваша фамилия стоит отдельно. Вы родились под счастливой звездой! По-видимому, ваше имя прозвучит в выпуске новостей, а это огромная честь.

Лисин приблизился к стопке дел, лежащих перед порядком напуганным следователем, приложил листок и сравнил.

– Обратите внимание, Гасилов, почерк одинаковый. Вот так просто иногда бывает найти информатора среди своих. Уверен, обыщи я сейчас его карманы, там найдется одна или

несколько купюр, находящихся во владении этого юриста второго класса совершенно необоснованно. Недавно деньги лежали в жилете репортера. У них, у журналистов, это называется представительскими расходами. У нас – взяткой. Налицо продажа информации, имеющей значение для следствия. – Москвича с утра давил ринит, он прокашлялся, сплюнул в платочек и придавил тяжелой рукой стопку дел. – Удостоверение на стол.

– Вы не имеете права, – прошептал побледневший следователь.

– Удостоверение на стол! – взревел Лисин и врезал по стопке так, что она рухнула на пол.

Юрист второго класса понимал, что если он затянет исполнение приказа, то этот важняк вырвет у него удостоверение вместе с грудной клеткой. Он выложил перед собой корочки и дернул шей.

Как только этот сумасшедший выйдет из кабинета, надо будет сразу же идти к Мартынову. Но через мгновение бедолага понял, что сделать это ему придется, даже того не желая.

– Ваш документ будет передан прокурору города с моими пояснениями, журналист допрошен, лист с вашим почерком изъят и приобщен к материалам расследования. Если я сочту нужным удалить материал из дела, то так и поступлю. Сейчас вы идете к Мартынову и рассказываете о случившемся.

В холле к Лисину подошел офицер, командир взвода вневедомственной охраны, несущего службу в здании прокуратуры.

– Товарищ следователь, там одного красавца привели. Уверяет, что видел убийцу.

– А откуда он знает, что видел именно убийцу? – удивился следователь, но тут же поморщился, поняв, что вступает в излишние дебаты. – Ведите сюда.

Красавцем оказался дедок лет шестидесяти с бездонным голубым взглядом, который присутствует только у законченных алкоголиков. На нем висело шторой широкое коричневое пальто с хлястиком, под которым красовался аляповатый турецкий свитер, бывший в моде в начале девяностых. Ширинка на мятых драповых брюках была наполовину расстегнута. Никаких других особых примет, за исключением, пожалуй, красно-синего носа и лица, слегка выбритого в отдельных местах, Лисин выделить не смог. Обычно таких свидетелей, от скуки решивших хлебнуть лиха, всегда бывает достаточно в тех местах, где совершено преступление.

Дедок уже издали безошибочно признал в нем главного и воскликнул:

– Я сейчас все скажу!

Он понесся по холлу, заставляя двух полицейских в форме бежать за ним и хватать его за развевающеся пальто-штору.

– Значит, так!.. – Достигнув следователя, дедок выставил перед собой ребро ладони, словно пытался проткнуть Лисина насквозь, и отставил назад левую ножку. – Начинаем с самого начала...

– Значит, так, – вторил ему важняк. – Вы кто такой?

Дедок развернулся к запыхавшимся полицейским, показал пальцем на Лисина, довольно бесцеремонно рассмеялся и объяснил им:

– Он спросил, кто я такой. – Получив удовлетворение от затянувшейся паузы, он вальяжно поглядел на следователя и проговорил: – Сынок, когда первый губернатор Старооскольска, выбранный всенародным голосованием, ходил рядом с папой в коротких штанишках, сосал леденец и махал панамкой самолетам, летящим в далекие края, Виктор Пряхин уже давал две нормы на станкостроительном заводе.

– Тот самый Виктор Пряхин? Не может быть! – подыграл ему Лисин. – И что вы хотите рассказать?

– Он говорит, я хочу кое-что рассказать. – Старик снова повернулся к полицейским, уже начавшим нервничать.

– Может, мне с ним поговорить? – предложил Сидельников, аккуратно сплевывая жвачку в урну, стоящую рядом.

– Вы ведь кого-то ищете? – таинственно прищурившись, спросил старик.

– Предположим. – Лисин невольно посмотрел на потолок. Где-то там, над ним, продолжали лежать в кабинетах тела убитых сотрудников. – Я ставлю вас в известность, что в вашем распоряжении осталось что-то около минуты.

– Успею. Я видел его.

– Кого именно?

– Давайте я с ним побеседую! – настойчиво повторил Сидельников.

– Убийцу.

– Убийцу кого? – выдохнул, уже наседавая на старика, Лисин.

– Этих. – Дедок ткнул пальцем куда-то вверх. – Убитых. Ваших, прокурорских. Да бросьте вы! Уже весь город знает... Но убийцу я один видел, и вам в этой связи очень повезло. У меня гражданская позиция на должной высоте.

– Ты калитку-то прикрой, – посоветовал Лисин. – А то твоя позиция гражданская настолько выпирает, что скоро в пору будет на нее орден Почетного легиона вешать.

Ничуть не смущаясь, старик запахнул полы пальто и спросил, где самому следователю будет удобно с ним побеседовать. Лисину было удобно у входа, туда они и переместились.

– С чего начнем? – как ни в чем не бывало полюбопытствовал свидетель, выдержал ледяной взгляд и качнул головой. – Понял. Я понял.

С убийцы и начнем

С убийцы и начнем. Значит, так. Три часа назад я шел по Комсомольской... Ты приезжий? Понял. Комсомольская переименовается с улицей Ленина. Ленин – это муж Крупской, скрывавшийся от российской прокуратуры в Швейцарии и в Лондоне.

– Может, все-таки я?.. – подал голос Сидельников, стоявший в десятке шагов, но увидел раздраженный взмах Лисина, отвернулся и пошел курить.

– Эти две улицы пересекаются как раз между прокуратурой, ГУВД, Домом журналиста и горисполкомом – нынешней мэрией. Они образуют площадь. Я частенько покупаю булку и выхожу туда кормить голубей. Так вот, три часа назад я этим и занимался. Минуты через три ко мне подходит человек в зеленой куртке и спрашивает: «Где тут, товарищ, аптека?» Я поднял руку, показал ему на здание за Домом журналиста и говорю: «Вон она». В этот момент в меня и врезался какой-то гад. Сайка, понятно – в хлам, голуби – вверх, болезный в зеленом – рысью к аптеке. Я встаю и говорю: «Что же ты, хрен неловкий, с такой скоростью по местам отдыха горожан ходишь?» Сказал и оторопел: на лице мужика – кровяца, руки ходуном ходят, губа трясется, словом, не человек, а кентавр с бодуна.

– Ты его хорошо запомнил, Виктор Пряхин?

– Он спрашивает, хорошо ли я его запомнил!..

– Сидельников, свидетель ваш!

Тела будут вывезены из здания через сорок минут. Еще через полтора часа криминалисты доложат московскому следователю, что работа закончена. В пять часов вечера окружной прокурор Тульский убудет к себе. Он ни разу не переговорит с Лисиним.

К восьми последние протоколы допросов свидетелей из числа прокурорских работников и гражданских лиц лягут на стол Лисина в кабинете Мартынова. Следователь прокуратуры, передавший информацию и допустивший появление в прокуратуре репортера, будет отправлен в краткосрочный отпуск без права выезда из Старооскольска.

В одиннадцать вечера центральная гостиница города с многообещающим названием «Княжий стан» приняла четырех сотрудников группы Лисина. Четвертым был Гасилов, прокурор отдела по надзору за соблюдением федерального законодательства.

Когда они подъезжали к отелю, он уже понимал, что дома теперь окажется нескоро, и вдруг пояснил:

– Переименовали. До девяностого года называлась «Старооскольская».

– Оригинальное название, – заметил Лисин, прищелкнув пальцами. – Сколько фантазии, настоящего лоска. А что в девяностом-то случилось?

– Запах перемен пошел, – подумав, нашел подходящий ответ Гасилов. – Кстати, у вас там с названиями гостиниц тоже, кажется, проблемы?

– Неправда. У нас их сносят, не переименовывая.

Глава 4

Ночь прошла как короткий сон уставшего человека, без воспоминаний, тяжелого осадка и тревоги. Просто прошла. Как дождь. Вот он внезапно начался, залил тротуары и сбил с деревьев сухие сучки. Спустя всего десять минут вода ушла, и осталась лишь свежесть, напоминающая о дожде, как о короткой ночи. Еще через минуту забудутся и дождь, и ночь.

– Сколько в городе районов?

– Четыре. – Гасилов успел съездить в больницу на перевязку и теперь чувствовал себя весьма неуютно.

Рану зондировали, чистили, но это было не самое неприятное. Особенно гадким оказалось обещание врачей делать это каждый день в течение недели.

– Значит, четыре райотдела полиции плюс городское управление. Итого – пять. Юштин, я хочу, чтобы ты взял под контроль все сообщения, поступающие в эти инстанции. Я должен знать все, что происходит в этом городишке, жители которого люто ненавидят прокуроров.

Кабинет Мартынова важняк решил более не занимать. Психологический эффект был уже произведен, мешать же работе прокурора города следователь комитета не намеревался. Штаб своей группы Лисин разместил в кабинете на втором этаже прокуратуры. Сначала он согласился на тот, откуда был изгнан продажный следователь, но утром отказался, сославшись на отсутствие подключения к Интернету.

Настоящая же причина была куда более тривиальной. Ему почему-то без всяких видимых оснований расхотелось пользоваться кабинетом, предложенным накануне. Он знал, что данное помещение на всю ночь останется без его присмотра. С этого момента в кабинете постоянно находился кто-то из тех, кого он привез из Москвы, – Сидельников либо Юштин.

Сидельников, как и обещал, накануне сумел раскрутить старичка Пряхина, и без того разговорчивого. Теперь в распоряжении Лисина имелся уже третий вариант словесного портрета предполагаемого преступника. Снова совпали коричневые туфли, черные брюки и куртка того же цвета.

Старик упоминал что-то о черном свитере и таких же перчатках, но, по мнению Гасилова, это было уже чересчур. Если человек одет в черное от шапки до носков и трусов, то это тоже особая примета. Если бы речь шла о преступлении, совершаемом ночью, то данное описание вряд ли вызвало бы неприятие. Но среди бела дня рыдиться по принципу спецназа ГРУ не просто рискованно. Это глупо.

Остались и голубые глаза, которым дедок, знавший фамилию жены Ленина, придал особую значимость. «Я бы назвал их синими, но вы решите, что я был нетрезв».

Словом, у Лисина не было ничего, что позволило бы ему описать кому-то предполагаемого преступника и услышать: «Я знаю этого человека». Кровь с лица можно смыть, через пятнадцать минут после убийства переодеться в светлое, сменить коричневые туфли на красные, надеть очки, взять в руки футляр от скрипки, сесть на лавку перед зданием городской прокуратуры и голубыми глазами смотреть на суету, происходящую на крыльце с белыми колоннами. Никто не подойдет и не скажет: «Товарищ, у вас голубые глаза. Вы-то нам и нужны».

– Это уже кое-что, – пожевав губами, констатировал следователь. – Сколько жителей в Старооскольске? Что говорит нам об этом бессмертная организация, именуемая статистическим управлением, Гасилов?

– Сорок три тысячи. – Тот подумал и добавил: – Это по данным переписи десятого года. Сейчас, наверное, сорок четыре.

– Произведем небольшие подсчеты, руководствуясь другой статистикой. – Лисин вооружился «Паркером», стал черкать на чужом календаре цифры, и по лицу его было видно, что он издевался над собой и остальными членами его бригады. – Людей с карими глазами на планете

– треть. Столько же с зелеными и серыми. Таким образом, всего за один день присутствия в Старооскольске мы выяснили, что двадцать девять тысяч триста тридцать четыре жителя города можно смело исключать из числа подозреваемых. А вы считаете дело безнадежным!..

– Кто такое говорил? – оскорбился Юштин.

Сидельников, уже давно привыкший к поведению следователя, снисходительно промолчал.

– Да, – согласился Гасилов. – Работа проделана немалая. Остается пустяк – задержать четырнадцать тысяч шестьсот шестьдесят шесть человек, после чего отпустить четырнадцать тысяч шестьсот шестьдесят пять непричастных к преступлению.

В начале десятого утра, если быть более точным, в девять часов и семь минут в кабинет зашел Юштин. Лисин как раз заканчивал разговор со Смагиным и машинально засек время. Он поступал так уже почти двадцать лет.

– Иван Дмитриевич!.. – Сотрудник МУРа сел рядом с шефом. – Я уж не знаю, заинтересует ли вас это сообщение, но вы просили докладывать обо всем, что может показаться странным. Кажется, это ерунда, однако я вас ставлю в известность о ней.

– Много, Юштин.

– Чего много?

– Слов. Ненужных, путающих мысли и тебе, и мне. Что принес?

Юштин подтолкнул к следователю лист, посмотрел в папку, раздумывая, стоит ли выложить на стол еще какую-нибудь ерунду, но решил ограничиться тем, что уже читал Лисин.

Сообщение из Восточного РОВД Старооскольска было кратким, но трогательным. Видимо, именно стиль изложения совершенно нелепого происшествия и заинтересовал Юштина, к которому попадали все сведения о том, что происходило в городе. Данные из книг учета преступлений и сообщений граждан стекались в кабинет капитанов МУРа посредством факсов. Гул аппарата стихал лишь на короткие промежутки времени. Он раздражал не только следственный аппарат прокуратуры города, но и самого Лисина.

«02.05 час. Восточный округ. Литвинское кладбище. Патруль 227 ППС, объезжая территорию, обнаружил у одной из могил мужчину примерно сорока лет. Мужчина сидел, но, заметив сотрудников полиции, вскочил и стал бежать. Патрулем были предприняты усилия для задержания странного мужчины, но в ходе преследования ст. с-т Колесов В. М. упал в свежевырытую могилу и подвернул голень. Для оказания помощи ст-на Горелов вынужден был прекратить преследование.

Начальник Восточного РОВД м-р полиции Фишер».

– Это что за чушь? – оторопел Лисин. – Мужчина сидел, мужчина вскочил, мужчина побежал. А ст. с-т. Колесов и ст-на Горелов не объяснили, что они делали на территории кладбища в третьем часу ночи?

– Я уточнял, – краснея, словно это он посылал факс, проговорил Юштин. – Через кладбище проходит круглосуточный маршрут движения автопатруля. Несколько лет назад фашиствующие молодчики разломали еврейские захоронения, и начальник ГУВД отдал личный приказ на охрану кладбища.

– А как его фамилия? Начальника городского УВД?

– Крайслер.

– Крайслер?!

Юштин сверился с записной книжкой.

– Виноват, Крайссман.

– Я понял. Национальная инициатива.

– Вы не правы, – возразил капитан МУРа. – Крайссмана зовут Генрихом Карловичем.

– Понятно. Значит, у нас на всех серьезных полицейских постах истинные арийцы. Крайссман, Фишер. Позвони в Западный РОВД, узнай. Там, наверное, Гроссман.

– Вы снова не правы. Фишера зовут, наоборот, Моисеем Самуэлевичем. А в Западном РОВД за начальника Бугров.

Лисин набрал в легкие воздуха, вчитался в текст, шумно выдохнул и заявил:

– Сидел, получается, у могилы. А зачем ему это надо, а, Юштин?

– Ну, мало ли. – Капитан повел взглядом вдоль стены, увешанной портретами президента. – Может, скорбел или пьяным возвращался домой да заплутал. Устал, сел на лавочку и загрустил.

– А от полиции-то чего в бега ударился? – Лисин так настойчиво вопрошал, словно это Юштина едва не поймали на кладбище. – В результате переживаний?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.